

Т. В. БЕРНГАРД, В. П. КОРЗУН

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ КАК ФОРМА ТРАНСЛЯЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ меняющиеся функции дисциплины в первой трети хх в. (на материале Сибири)

В статье на материале Сибири предпринята попытка показать роль исторической библиографии как элемента коммуникативного поля исторической науки в формировании её образа. Историческая библиография представлена не только как канал трансляции исторического знания и сохранения интеллектуальной традиции, но и канал цензуры, механизм контроля исследовательского поля исторической науки.

Ключевые слова: историография, историческая библиография, коммуникативное поле, цензура, Сибирь.

1. Историография и историческая библиография: иерархия или дует? Историческая библиография, выступает в качестве структурного компонента исторической науки и научных коммуникаций, отражает специфику исторической науки, тенденции и закономерности её развития. Представление о библиографии сферы деятельности и области знания как самостоятельном институте освоения, сохранения и трансляции исторического знания и интеллектуальной культуры, сближает социокультурное предназначение историографии и исторической библиографии. Они пересекаются в пространстве реализации общей для них функции – сохранения историко-научной памяти и передачи научного знания. Происходит это с помощью специфического средства исторической библиографии – способности моделирования (свёртывания) первичного текста (исторического источника или исследования) и замещения его библиографической информацией различных видов, как на уровне отдельной библиографической записи, так и на уровне библиографического пособия. В этом смысле историческая библиография, являясь своеобразным зеркалом процессов, происходящих в исторической науке, одновременно выступает вспомогательным средством её познания, и в тоже время проектирует её будущее.

Библиография – неотъемлемая часть исследовательской культуры историка¹, где учёный выступает не только в качестве потребителя библиографической информации, но и её составителя. Исследователи уже

¹ Михайлова. 1975; Эймонтова. 1975; Алаторцева. 1975; Мохначёва. 1998. С. 10-11; Вохрышева. 2004. С. 237-250; Зиновьева. 2007. С. 16.

давно рассматривают библиографическую деятельность как одну из форм организации научной мысли и исследования. Так, к примеру, в классическом труде В.С. Иконникова «Опыт русской историографии» автор отмечает, что «необходимыми вспомогательными средствами при изучении исторических материалов служат те знания, область которых тесно связана или соприкасается с историей», в частности, историческая библиография «является весьма важным пособием при изучении материалов (русской) истории»². В создаваемых библиографических пособиях историк явно или неявно репрезентует свои ценности и пристрастия. Система культурных ценностей проявляется неоднозначно. Она действует как извне, формируя отношения/запросы в рамках деятельности по созданию библиографических пособий. В то же время, культурные ценности являются и внутренним фактором развития исторической науки и исторической библиографии как её части, поскольку они определяют не только интеллектуальные (исследовательские) процедуры, нормы организации научного труда, но и формы производства этих норм. Таким образом, историческая библиография оказывается включённой и в социальный процесс в самом широком смысле слова, и в автономный процесс развития исторической науки.

Наша гипотеза заключается в предположении, что историческая библиография как дисциплина формирует образы исторической науки и выступает не только отражением этого процесса, последнее зафиксировано в трудах учёных-историков. В связи с этим актуальной для общества, различных его сегментов, в том числе и властных структур, является инструментализация библиографии и переформатирование её дисциплинарного поля в тот или иной период. Указанные сюжеты мы рассматриваем на примере первой трети XX века на материалах Сибири.

Наш подход к этой теме базируется на современных разработках категории образа науки. В силу того, что создание целостного образа исторической науки становится актуальной задачей современной историографии, он немаловажен без так называемых вспомогательных исторических дисциплин, в том числе исторической библиографии, с помощью которой формулируются и транслируются черты образа исторической науки и научных коммуникаций. Структура образа науки в представлении современных исследователей включает в себя: 1) целостное представление о научном знании, своего рода модель науки; 2) представление о науке как социальном институте; 3) совокупность представлений о закономерности

² *Иконников*. 1891. С. 93-94.

стях научного знания и генезисе науки как таковой; 4) представление об идеале научного знания и базовых ценностях научного сообщества³. Образ науки формируется и функционирует в определённых социокультурных условиях. При этом важно учитывать в структуре образа науки когнитивную, оценочную и «футуристическую» составляющие.

Когнитивный компонент, который условно можно обозначить как «образ-знание»⁴, затрагивает предметное поле исторической науки. «Он выступает в форме истинного или ложного, верифицированного или неверифицированного зафиксированного знания»⁵, и являет собой отражённую субъектом картину существующей реальности. По этой причине он («образ-знание») детерминирует остальные компоненты образа. Исходя из этого, можно представить структуру образа исторической науки как трёхчастную:

- знание индивида о различных исторических эпохах, периодах, процессах, событиях, личностях и т.д.;
- знаний об истории, как об институционализированной научной дисциплине (о её предмете, различных её отраслях, функциях, методологическом инструментарии и т.д.);
- знание о субъекте научного творчества (о заметных представителях исторической науки, о нормативно-ценностных и культурно-ценностных ориентациях, принятых в рамках данного сообщества, местах его локализации) и т.д.

«Оценочный компонент образа исторической науки, как особой единицы сознания, условно можно назвать “образ-значение”. Он вбирает в себя значение исторической науки для индивида, в сознании которого он формируется. Именно «образ-значение» встраивает представление об исторической науке в ценностно-смысловую систему человека, определяя их место в ней. Вместе с тем данный компонент находится в тесной корреляции с когнитивным компонентом. Его содержательное наполнение варьируется в зависимости от содержательного наполнения образа-знания. Оценочная интерпретация индивидом исторической науки находится также в прямой зависимости от степени и уровня взаимодействия с данной отраслью научного знания»⁶.

И, наконец, в литературе выделяется «футуристическая», пре-скриптивная составляющая образа исторической науки, которая может

³ Корзун. 2000. С.5-7; Кузнецов. 1985. С. 138.

⁴ См., например, Гришин. 2007. С. 201.

⁵ Корзун, Денисов. 2010/2011. С. 317.

⁶ Корзун, Денисов. 2010/2011. С. 317-318.

быть условно обозначена как «образ-ожидание». «Она вмещает в себя иррациональные компоненты, связанные с “направленностью истории в будущее”. Одновременно данный компонент отражает запросы социума и потребности отдельного индивида, реализацию которых призвана обеспечить историческая наука, ожидания «исторической оценки» определённых временных отрезков, процессов, событий, фактов, по тем или иным принципам имеющих для них особое значение»⁷.

Выделение этих трёх компонентов в структуре образа исторической науки является весьма условным. Формирование образа исторической науки в общественном сознании, как и любого другого образа, не предполагает непременно наличия всех компонентов. Вместе с тем «наличие этих трёх составляющих образа исторической науки в сознании профессионального историка, как видится, является неотъемлемым условием адекватного осуществления познавательной деятельности»⁸.

Принципиальным для авторов данной статьи является обращение к коммуникативным теориям (Ю. Хабермас, Р. Мертон, Т. Кун, П. Бурдьё, Р. Коллинз, М. Кастельс и др.) и соответствующим дефинициям, таким как, например, коммуникативное поле науки. Под коммуникативным полем науки понимается социальное пространство институций и связей, в котором рождаются, функционируют, трансформируются и умирают научные идеи. Коммуникативное поле имеет сложную структуру, представляющую единство внутринаучных коммуникаций (они могут быть как внутривидовыми, так и междисциплинарными), и внешних коммуникаций, связанных с социокультурным контекстом, включающим и властный уровень. Структурные компоненты коммуникативного поля носят как личностный, так и институциональный характер. В качестве факторов коммуникации может выступать и отдельная личность, в нашем случае – историк и библиограф, и отдельные институты, как формальные, так и неформальные⁹. Современные историографические практики, основанные на понимании науки как коммуникации, актуализировали проблему циркуляции интеллектуальной культуры и каналов этой циркуляции. Это в свою очередь выдвинуло библиографию из «задворков» современной историографии на почти авансцену историографического исследования, что повышает значимость и самостоятельность данной области знания и «демонстрирует правомерность отказа от иерархического подхода в определении научной роли больших и малых наук»¹⁰.

⁷ Корзун, Денисов. 2010/2011. С. 318

⁸ Там же.

⁹ См. об этом подробнее: Корзун. 2011. С. 293.

¹⁰ Алеврас. 2010.

Нельзя не учитывать и изменений в дисциплинарном поле самой библиографии. Большой интерес представляет культурологическая концепция библиографии М.Г. Вохрышевой, вписывающаяся в современные направления исторических исследований, в частности, в интеллектуальную историю. В центре исследования интеллектуальной истории – интеллектуальная деятельность, её условия и формы¹¹. В основу подхода М.Г. Вохрышевой положена идея о полиморфности библиографии, её многообразии и единстве, ее ключевыми моментами являются, во-первых, представление о библиографии как специфической области деятельности в единстве её практической и познавательной сфер, со своими социальными институтами и системой организованного знания; во-вторых, признание модуса библиографии как одного из важнейших способов отражения, хранения и трансляции культуры от поколения к поколению¹². Такой подход предполагает: рассмотрение библиографических объектов в контексте развития общекультурной ситуации; культурно-ситуационный анализ; персоналогический аспект; аксиологический анализ исследуемых явлений, введение категорий «ценность» и «оценка»¹³.

Информационная ценность библиографических пособий по истории заключается в том, что они, являясь носителем уникального знания об эпохе, при рассмотрении в среде других пособий близких по тематике (в количественном и качественном ракурсах), когда раскрываются междисциплинарные связи, могут рассматриваться и в качестве инструмента визуализации динамики исторической науки, а также «своеобразной формализации и формы бытования научно-исторической мысли»¹⁴. Данное положение особенно оправдано в отношении библиографии, предназначенной для специалистов. Отражённые в ней документы и публикации критически обработаны и без сомнения являются определённой шкалой развития какой-либо проблемы или определённого периода.

Сущностной особенностью 1920-х гг. было то, что создатели библиографических пособий, особенно в первой половине этого периода, как правило, были организационно связаны с историческими объединениями и обществами. Кроме того, и история, и историческая библиография произрастали от одних корней – большая часть авторов библиографических пособий были профессиональными историками, получившими образование в дореволюционный период, что имело определяющее значение при выборе тем и методики подготовки указателей литературы.

¹¹ Репина. 2001. С. 189; 2011. С. 5-6.

¹² Вохрышева. 1993; 2004. С. 307-311.

¹³ Вохрышева. 2004. С. 307-311.

¹⁴ Мохначёва. 1998. С. 10.

В 1920-е гг. «специально-научная» (по терминологии тех лет, в настоящее время научно-вспомогательная) библиография ещё только формировалась как вид. В ней определённым образом синтезировались взгляды на библиографию представителей дореволюционной «академической» школы. Она, согласно представлениям академистов, выполняла двоякую социальную функцию – историко-культурную и научно-вспомогательную. Библиографическая продукция рассматривалась как информационная база для исторических исследований.

Итак, мы исходим из того положения, что в послереволюционную эпоху историческая библиография первоначально развивалась в направлениях, заданных предшествующим периодом. Требования к специально-научной библиографии были достаточно чётко сформулированы в статьях известного литературоведа А.Л. Бёма¹⁵, декабристоведа и библиографа М.К. Азадовского¹⁶. Согласно их воззрениям, составитель библиографического пособия обязательно должен быть специалистом в конкретной области знания. Учёные являлись сторонниками ценностного подхода при подготовке библиографических пособий. Его суть состояла в необходимости учёта общенаучного контекста, в котором указатели литературы производились, и частью которого они становились. Важен был учёт и индивидуальных особенностей автора. Только специалист, по мнению Азадовского, «может правильно разрешить проблему классификации, только специалист сумеет глубоко захватить источники, обнаружив целые ряды новых материалов, наконец, только специалист сможет разрешить проблему отбора, которая всегда в той или иной мере стоит перед библиографом»¹⁷. В этом высказывании не только следование предшествующей традиции. Его взгляд созвучен представлениям части современных специалистов по библиографической эвристике. Библиографический указатель, составленный специалистом, отражает эвристическую логику научного поиска. Аналитичность, ассоциативность, широта и непредсказуемость выхода в смежные отрасли¹⁸ – эти особенности информационного поиска не могут быть повторены «библиографами-энциклопедистами» (выражение М.К. Азадовского), которые не являются исследователями проблемы.

Научное познание, как известно, регулируется определёнными идеалами и нормами, в которых выражены обобщённые представления о целях деятельности и способах их достижения. На каждом историче-

¹⁵ Цит. по: Леликова. 2004. С. 324.

¹⁶ Азадовский. 1931. С. 184-197.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Сляднева. 1987; 1993.; Вохрышева. 2004. С. 102-105.

ском этапе вырабатывается свой (определённый) «образ» познавательной деятельности, представление об обязательных приёмах и процедурах, которые обеспечивают постижение сущности предмета изучения. При своём формировании этот образ испытывает воздействие мировоззренческих оснований, лежащих в фундаменте той или иной науки.

Библиографические пособия являются существенным элементом в прояснении/выяснении динамики и структуры предметного поля исторической науки. В них прочитываются не только общие процессы, происходящие в исторической науке. Выявление и изучение библиографически насыщенных зон, как и зон «библиографического молчания», даёт возможность говорить об информационной картине мира, а через неё о тех идеях, воззрениях, оценках и ценностях, которые непосредственным образом характеризуют определённый отрезок времени.

Содержание любого библиографического источника связано с условиями места и времени его создания и всегда обнаруживает присутствие или, наоборот, отсутствие тех или иных тем, имён, публикаций.

II. Историческая библиография – канал трансляции исторического знания и сохранения интеллектуальной традиции. Теперь обратимся к сибирской библиографической практике 1920-х гг. Основными институтами, в рамках которых развивалась библиографическая деятельность, связанная с историческим изучением сибирского края, были Институт исследования Сибири, местные отделения Русского географического общества – ВСОРГО и ЗСОРОГО, Общество изучения Сибири и её производительных сил, юбилейные комиссии, Томский и Иркутский университеты, краеведческие общества и музеи. Анализ бытования исторической библиографии в Сибири, свидетельствует о том, что её эволюция диктовалась не только постановкой перед исторической наукой задач, связанных с разработкой новой проблематики, но и личными (профессиональными) интересами авторов. В рамках научной деятельности сибиреведов происходило обращение к библиографии как неотъемлемой части работы учёного-исследователя. Библиографическая работа преследовала цель информационного сопровождения научных исследований по историческому изучению Сибири. Результатом стали значительные библиографические труды. Составителями указателей литературы были историки и филологи: А.В. Адрианов, М.К. Азадовский, Н.Н. Бакай, В.Д. Вегман, Н.Н. Козьмин, В.П. Косованов, Б.Г. Кубалов, В.С. Манассеин, А.Н. Турунов, П.П. Хороших, Н.М. Ченцов и др.. Отметим, что, несмотря на различие политических взглядов это были представители старой интеллигенции, им были видны существующие лакуны, связанные с

историческим изучением края. Представляя научному сообществу проверенные сведения, сосредоточенные в библиографических пособиях, посвящённых отдельным вопросам изучения истории Сибири, они вносили значительный вклад в развитие сибирского историописания.

Как известно, в этот период формируется марксистское направление в исторической науке. На первый план выдвигаются вопросы классовой борьбы, общественного и революционного движения (100-летие восстания декабристов, 20-летие первой русской революции, 10-летие октябрьской революции), истории победившей партии. Широко разворачивается публикация источников по истории революционного движения, документов царского правительства. Стремительное развитие новой проблематики требовало организации планомерного библиографирования как текущей литературы, так и создания ретроспективной библиографии.

На этом поле мы можем зафиксировать совпадение социального заказа и логики проблемной историографии. Проиллюстрируем данный процесс, обратившись к бурно развивающемуся декабристоведению.

В конце 1923 г. проходила дискуссия о сущности движения декабристов. В 1925 г. историческая наука широко отметила столетие восстания. В период подготовки к юбилейной дате в научный оборот вводилось большое количество архивных документов, публиковались статьи и монографические исследования. Необходимо было систематизировать эти материалы. Появляется ряд указателей литературы, ставивших своей задачей учёт и критическую оценку литературы о декабристах. Всего нами было выявлено девять отдельно изданных, а также внутрикнижных и внутрижурнальных библиографических пособия данной тематики, по содержанию связанных с Сибирью¹⁹. Остановимся на одном из них, наиболее репрезентативном с точки зрения рассматриваемой проблемы.

В указателе литературы²⁰, подготовленном к 100-летию юбилею со дня восстания известным сибиреведом М.К. Азадовским в соавторстве с М.А. Слободским, отчётливо проявились подходы, свойственные предшествующей исследовательской традиции. Работа является прикнижным указателем литературы. Следует отметить, что прикнижная библиография обладает рядом достоинств: она тесно связана с содержанием книги; имеет конкретный читательский адрес; опираясь на уже сформировавшийся интерес к теме, способствует его развитию. Это бы-

¹⁹ Азадовский М., Слободской. 1925; То же. Отд. оттиск (Иркутск, 1925); Переселенков; Ченцов. 1927; Ченцов. 1929; Бакай. 1927; Вознесенский. 1926; Дубровский. 1925; Литература о [М.С.] Луние. 1923; Дополнения. 1926.

²⁰ Азадовский, Слободской. 1925.

ла первая попытка полной библиографии о декабристах. В пособии отражались не только печатные материалы, но и архивные дела декабристов, хранящиеся в Иркутском архивном бюро²¹. Внимание авторов привлекли темы, связанные с научной, культурно-просветительной и краеведческой деятельностью декабристов в Сибири.

В указателе отражены сведения о 384 книгах, статьях из сборников, журналов и газет за 1832–1925 гг.²² Во «Введении» к библиографическому указателю авторы в сжатом виде выражают своё кредо – организовать не только свою работу, но и, прежде всего, облегчить работу других исследователей. Читатели рассматриваются как «действующее лицо» в диалоге между авторами и массивом отражённых публикаций. Сведения о целевом и читательском назначении во «Введении» содержат знание о читательской структуре общества на данном историческом этапе. Азадовский и Слободской предназначали свою работу главным образом местным педагогам и историкам-краеведам, занимающимся культурно-просветительной и научной работой. Авторы полагали, что тема «декабристы и Сибирь» будет интересовать читателей не только в юбилейные дни. Особенностью указателя было включение газетных публикаций, которые, по мнению авторов, «являются фундаментальным материалом для изучения, как самого движения декабристов, так и их пребывания в Сибири»²³. На значение библиографирования сибирских газет Азадовский в своё время обратил внимание в докладе на заседании Общества истории, археологии, этнографии при Томском университете²⁴: «Сибирь не имела своей, так называемой «толстой журналистики»... и сибирской прессе пришлось поэтому явиться почти единственной выразительницей надежд и чаяний Сибирского общества, отражением сибирской жизни, и мысли, и успехов сибиреведения..., а также русской литературы и русской политической мысли»²⁵. «К сожалению – писал он, – эти издания, по большей части безнадежно лежат покрытые пылью на полках, гниют в амбарах... между тем они являются ценнейшим пособием для изучения весьма многих вопросов нашего прошлого»²⁶.

²¹ Огородников. 1925.

²² В основную часть указателя включена 331 библиографическая запись. Остальные публикации отражены в «Дополнениях и повторях». Многие из них были сделаны Н.М. Ченцовым.

²³ Азадовский, Слободской. 1925. С.166.

²⁴ Доклад впоследствии был опубликован на страницах журнала «Сибирские записки» (Азадовский. 1919).

²⁵ Азадовский. 1919. С. 107.

²⁶ Азадовский, Слободской. 1925. С. 166.

Любое библиографическое пособие является целостной системой, и каждая часть его выполняет определённую функцию. Чем сложнее структура указателя, тем выше его информативность и поисковые возможности. Классификация – это своего рода система кодирования информации, в которой представлены соотношения смыслов. Она должна соответствовать следующим принципам: соблюдение единства классификации в соответствии со структурой науки; научность; реальность; необходимость многоаспектного раскрытия содержания публикации (документа)²⁷. Азадовский и Слободской построили свой труд в алфавите авторов и заглавий публикаций. Недостаток систематизации они восполнили системой вспомогательных указателей. Азадовский придавал большое значение наличию «ключей», дающих возможность многоаспектного поиска, так как они отражают сведения о публикациях в ином разрезе, чем в основном тексте пособия.

Один из компонентов содержательной структуры библиографии – знание о реальных персонажах истории, жизнь и деятельность которых получила освещение в литературе, различных документах. Это знание обеспечивает во многом сохранение социальной памяти о них. В этом отношении весьма показательны вспомогательные указатели к вышеназванному пособию. В «Указатель собственных имён»²⁸, авторы включили имена, встречающиеся не только в библиографическом описании, но и в аннотациях. Сведения об упоминаемых в пособии лицах не ограничиваются указанием фамилий и инициалов. Именные рубрики содержат знание о псевдонимах (Марлинский см. Бестужев), духовном имени лица (Евгений, митрополит), указывают на профессию, род деятельности (Давиньон, фотограф), общественный статус (Броневский, генерал-губернатор). Библиографические сведения позволяют вынести суждения о мировоззрении персоналии (Рылеев К.Ф., декабрист), включённости в определённые социальные институты (Энгельгард Е., директор Царско-сельского лицея; Лепаревский, комендант Петровского завода; Маслов, жандармский полковник). С помощью подобного рода вспомогательных указателей возможно установление родственных отношений (Попова В.Ф., сестра декабриста Раевского; Анненкова П.Е., жена декабриста; Волконская А.Н., мать декабриста), окружения декабристов (Вольф Ф.Б., доктор декабристов). Используя «Географический указатель» можно проследить места пребывания декабристов в Сибири: Сибирь; Восточная Сибирь: Баргузин, Кяхта, Нерчинск, Олонки, Петровский завод ...; За-

²⁷ Иванов. 1986. С. 217-280.

²⁸ Азадовский, Слободской. 1925. С. 179-181.

падная Сибирь: Боготол, Бухтарминская крепость, Курган, Тара, Тобольск и Тобольская губерния, ...Ялуторовск и т.д.

Таким образом, исследователь мог получить из вспомогательных указателей сведения, позволяющие расширить и уточнить характеристику лиц, персоналий декабристов не обращаясь к первичному источнику.

Авторы подошли к подготовке библиографического пособия с учётом исследовательских интересов учёных, занимающихся историей декабризма. Они считали, что библиографическая работа неотделима от научной, и её нужно осуществлять научными методами, требующими высокой квалификации, используя достижения конкретной науки.

Историческая библиография, будучи устойчивой интеллектуальной традицией, одной из форм диалога между автором настоящим и авторами давними, оказывает влияние на формирование образа исторической науки и даже на некоторые процедуры и структуру исторического знания. Исходя из этого, мы видим в исторической библиографии канал формирования и трансляции интеллектуальной культуры. Этот тезис позволяет актуализировать проблему преемственности, применительно к интересующим нас сюжетам. В то же время мы отдаём себе отчёт, что структура исторической библиографии, её задачи и функции не могли оставаться неизменными в период социальной ломки и перестройки исторической науки в целом.

Государственная идеология как важнейшая составная часть политической системы воплощалась как в проблемном поле исторической науки, так и в исторической библиографии как её части.

Анализ тематики библиографических пособий, изданных в 1920-е гг., их внутренней структуры, предметных рубрик, выделенных авторами, даёт возможность судить о появлении новых смысловых единиц (понятий) в изучении истории Сибири. Приоритеты отданы проблематике, связанной с историей декабризма, революции 1905-1907 гг., Октябрьской революции и гражданской войны. Сравнительный анализ уровня продуктивности разработки этих тем с изучением хронологической глубины материалов, отражённых в библиографических пособиях (год первой и последующих публикаций по теме), позволяет сделать вывод о высокой степени интенсивности их изучения в период подготовки к юбилеям. Так, в указателе Азадовского «Сибирские темы в изучении русского устного творчества»²⁹ первые работы, отражающие политическую ссылку в песнях и легендах, относятся к 1906 г., тема «революция и современность в устном творчестве деревни» к 1923 г. Наполненность рубрик, с одной

²⁹ Азадовский. 1925

стороны, указывает на уровень продуктивности в разработке отдельных тем, например: «Взаимовлияние русского фольклора и устного творчества туземных племён Сибири» – 32 публикации; «Арестантские песни» – 30; «Песни о Ермаке» – 20; «Отражение революции и современности в устном творчестве деревни» – 11; «Политическая ссылка в песне и легенде» – 9. С другой, пособие в совокупности с изучением хронологической глубины, вполне определённо характеризует перегруппировку соотношения научной значимости в изучении тем. Так, в рубрике «Взаимовлияние русского...» (первая публикация 1878 г., последняя 1918 г.) средняя продуктивность составляет 0,78; в рубрике «Отражение революции...» (1923–1925 гг.) – 3,67. Но всё же не будем редуцировать этот процесс. Стоит заметить, что в ходе построения концепции революции историки-марксисты обращались и к литературе противников большевизма, в частности к эмигрантской литературе, где была представлена весьма пёстрая гамма мнений. Для начального периода (1919–1923 гг.) изучения данной темы характерно то, что в процесс рецензирования вовлекались воспоминания и сборники документов, изданные за границей (Париж, Пекин, Прага, Карлин, Мюнхен, Нью-Йорк, Харбин)³⁰ и в России (Общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев). Свою точку зрения высказывали представители различных политических партий. Их суждения имели особую ценность, поскольку они принадлежали к активным участникам событий и помогали восстановить конфликт эпохи.

Полнота и разнообразие сведений, приведённых в библиографических записях, свойственная предшествующей традиции и получившая продолжение в библиографических пособиях, предназначенных для специалистов по истории Сибири³¹, дают возможность получения сведений об организационной структуре исторической науки (Истпарт ЦК ВКП (б), Сибистпарт, Центрархив, юбилейные комиссии, музеи и т.п.), о появлении на определённых этапах (например, начальный период существования советской власти, периоды подготовки к юбилейным датам, связанным с историей революционного движения) авторов, редакторов, составителей – представителей новой исторической науки (М.Н. Покровский, В.И. Невский, А. Панкратова, В. Адоратский, В. Вегман и др.).

³⁰ См., напр.: Вегман. 1922; Дович [Вегман]. 1923; Ямин [Вегман] 1927.

³¹ См., напр.: Турунов, Попова. 1930; Турунов, Вегман. 1928. В области сведений об ответственности библиографических описаний книг, отражённых в указателях, приведены данные об учреждениях и организациях, под руководством которых проходила работа по подготовке и изданию сборников, фамилии составителей и редакторов сборников статей и воспоминаний.

Таким образом, тематические библиографические пособия, в которых сохранены методы библиографирования, свойственные дореволюционной исследовательской культуре, дают возможность определить как общие тенденции развития, так и перспективные «точки» роста в разработке отдельных областей знания.

III. Историческая библиография как канал цензуры. В этой части статьи обратим внимание на изменение акцентов в функциях исторической библиографии. Трансформация функций исторической библиографии связана с ограничением и/или запрещением исторического текста и, как следствие, с манипулированием историческим сознанием. Всё это выразилось в модификации назначения исторической библиографии, её роли как института трансляции знания. Историческая библиография начинает проявлять себя как канал цензуры, связанной с содержательной стороной исторической науки. На общероссийском уровне цензурирование информации, в том числе с помощью библиографии, осуществляли ведомства, так или иначе объединённые Народным комиссариатом по просвещению. Институционально это были: Государственное издательство (ГИЗ), в том числе специальный цензурный орган в его структуре – Политический отдел³²; программно-библиографический отдел³³, библиографическое бюро³⁴ и библиотечный отдел Главполитпросвета³⁵; отделы текущей и основной библиографии отдела внешкольного образования Наркомпроса³⁶. В июне 1922 г. было создано Главное управление по делам литературы и издательств, а затем его отделения в регионах. В задачи Управления входил не только предварительный просмотр всех предназначенных к опубликованию изданий и написание на них отзывов, но и составление списков произведений, запрещённых к распространению.

³² Культура и цензура. 1997. С. 8; История книги. 2001. С. 263.

³³ ГАРФ. Ф. А-2313. Оп. 7. Д. 1. Л. 15. В функции отдела входило редактирование поступающих рецензий на новую литературу. С этой целью привлекались консультанты и «компетентные лица». Иногда вопросы использования библиографического материала согласовывались с ВЧК.

³⁴ ЦДНИ ОО. Ф. 7. Оп.2. Д. 257. Л. 87-88. Наряду с другими видами работ бюро рассылало циркулярные списки книг «не дающих ныне правильной политической установки, ...искажающих линию партии и идеологически не выдержанных, ... содержащих грубые ошибки и дающих неправильное освещение вопросов».

³⁵ Отдел распределял и перераспределял (путём изъятий) информационные ресурсы страны. Он в начале 1920-х гг. выступил инициатором чисток книжных фондов.

³⁶ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп.8. Д. 258. Л.4. Сотрудники отдела и приглашённые специалисты давали оценку литературе с точки зрения её пригодности для целей школьного и внешкольного образования. Так, с ноября 1920 г. по апрель 1921 г. было дано 113 отзывов на книги и рукописи, в том числе по истории – 10.

Особо подчеркнём складывающуюся субординацию в новых советских институтах. В октябре 1920 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение о руководящей роли партии во всей работе Наркомпроса³⁷. Структурные единицы Наркомпроса, осуществлявшие цензурирование информации, были связаны между собой единой идеологией и кадровой политикой ЦК ВКП (б). Вопросами организации библиографического дела в стране, чисток книжных фондов с помощью списков и указателей не рекомендованной литературы, занимались агитационно-пропагандистский отдел и отдел печати ЦК³⁸. С помощью библиографических средств развивалась идея ограничения не только инопартийного текста (изымаются работы авторов, придерживающихся иных политических взглядов – меньшевиков, конституционных демократов, эсеров), но и историко-партийного текста, цензорскую функцию в отношении которого осуществлял Истпарт и его отделения на местах³⁹.

Что касается региональной структуры органов, осуществляющих цензурирование исторической информации, то институционально это были библиотечные и библиографические секции подотделов внешкольного образования, библиотечные и библиографические секции губернских политико-просветительных комитетов, сибирский и губернские библиотечные коллекторы. При губернских отделах агитации и пропаганды работал библиотечный подотдел, в функции которого входил контроль над изъятием и допустимостью распространения литературы. Библиотечные советы и Объединения заведующих библиотеками направляли деятельность библиотек по изъятию запрещённых книг, в том числе с помощью специально создаваемых комиссий. Надзором за книжным рынком занимались и ГПУ–ОГПУ. Основным критерием общим для всех структурных единиц разветвлённой цензурной системы была идея «ограничения текста» с точки зрения классового подхода. Характерные для дореволюционной библиографии объективизм и гуманизм были осуждены как «вылазки классового врага».

Несомненно, репрессивная библиография, получившая своё воплощение в списках не рекомендованных книг и книг, подлежащих изъятию⁴⁰ была направлена не только против авторов, но и, прежде всего

³⁷ Горяева. 2002. С. 180.

³⁸ См. например: РГАСПИ. Ф. 17. Оп.60. Д. 467, Л. 2; Д. 522. Л. 52-53; Оп. 84. Д. 691. Л. 22, 167, 169.

³⁹ См. например: ГАРФ. Ф. Р-359. Оп. 9. Д. 40. Л. 228.

⁴⁰ Списки литературы, запрещённые к распространению, рассылались в регионы не только Главлитом и ВЧК, но и издавались типографским способом. Они фигурируют под разными названиями, но суть от этого не меняется. Например: «Списки книг,

против читателей. В списках часто не указывался год издания. Думается, делалось это не без умысла. Необходимо было изъять конкретные книги определённого автора или издательства, вне зависимости от года издания, так как многие исторические работы, вышедшие до революции 1917 г., особенно учебная литература, многократно переиздавались (в том числе и после 1917 г.). Библиографические списки, составленные таким образом, служили практическим руководством при не допуске или изъятии книг из библиотек, книжных магазинов и складов.

Анализ сохранившихся списков изъятых книг и протоколов заседаний комиссий по изъятию (Омск, Новосибирск, Томск) позволяет утверждать, что дореволюционные трактовки истории России рассматривались как препятствие на пути к построению «светлого будущего». В практике историописания появляются новые герои и новые образы, поэтому популярные книги, посвящённые Александру Невскому, Владимиру Мономаху, Ивану Грозному и др., в большом количестве издававшиеся до революции 1917 г., были изъяты. Особенно тщательно вычищались фонды школьных библиотек, так как учебная литература, являясь одним из важнейших трансляторов научных идей, влияла на формирование исторического сознания. Неприемлемыми для советской школы оказались не только учебники Н.П. Устрялова, П. Овсянникова, Д.И. Иловайского, А.В. Илпатъевского, но и фундаментальные исторические труды корифеев отечественной историографии. Изъяты были труды С.М. Соловьёва, Н.И. Костомарова, Н.М. Карамзина, П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, А.Е. Преснякова и др.⁴¹. Из библиотек изымались также и библиографические указатели по истории. В рамках создаваемой в стране социально-ценностной классово-идеологической парадигмы историческая библиография постепенно оказывается интегрированной в процесс советского «культурного строительства». С её помощью формировались и закреплялись новые, иные по сравнению с предыдущей традицией, стереотипы и навыки восприятия информации.

Особое значение в 1920-е гг. в формировании массового исторического сознания придавалось критико-библиографическим материалам на страницах периодических изданий. Рецензии и отзывы на книги понима-

подлежащих конфискации», «Списки книг, подлежащих изъятию из продажи» (ГА-ОО. Ф. Р-1152. Оп. 1. Д. 262. Л. 180-200 (об.); Ф. 318. Оп. 1. Д. 585. Л. 25-45); Руководящий каталог по изъятию... 1924; Список книг, рекомендованных, допущенных и отклонённых научно-педагогической секцией ГУС. 1924; и др.

⁴¹ ГАОО.Ф. Р-1152. Оп. 1. Д. 262. Л.49, 87, 95 (об.), 96 (об.), 100, 104, 106 (об.), 109 (об.), 114, 116, 119, 120 (об.), 122, 123, 128, 242, 317 (об.), 318, 319 (об.), 320; ГАНО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 636. Л. 141.

лись как неотъемлемая часть библиографии⁴². Через них осуществлялась персонифицированная связь с читателем, чаще всего потенциальным. Библиографические издания были способны оперативно откликаться на актуальные события, широко использовали приёмы коммуникативности с целью воздействия на читателей, на формирование читательских интересов, определённых ценностных ориентаций. В основу всех библиографических методов (отбор, оценка, классификация и т.д.) был положен критерий «идеологического качества» текста и его политической оценки. Приведём лишь несколько примеров. Труд М.Н. Покровского «Русская история с древнейших времён» (Т. 1-4) характеризовался как «единственный» курс русской истории, написанный со «строго выдержанной точки зрения революционного марксизма»⁴³. «Архив русской революции» И. Гессена, с точки зрения рецензента Нурмина, «подчёркивает эволюцию русского либерализма в сторону мракобесия и какой-то черносотенной остервенелости»⁴⁴. Говоря о книге Р.Ю. Виппера «Иван Грозный» М.Н. Покровский считал, что в научном отношении она «ничего не прибавила к русской истории»⁴⁵. Непонятно было для М.Н. Покровского и переиздание «Курса русской истории» В.О. Ключевского тиражом в 50 тыс. экз. «И уж если решено было печатать, – писал рецензент, – то редактирование следовало поручить историку-марксисту, который снабдил бы его соответствующими комментариями», а не Я.Л. Барскову, благоговееющему перед каждым словом своего учителя. «Тут уж марксизмом и не пахнет!» восклицает М.Н. Покровский⁴⁶.

В 1920-е гг. меняется язык науки, что нашло отражение в языке рецензий и отзывов, названиях обзоров и списков литературы, библиографических разделов и рубрик. Язык являлся не только средством отражения и коммуникации, но и одним из факторов, детерминирующих историческое сознание. Весьма показательной на этот счёт оказалась тема Октябрьской революции и гражданской войны. Навязывание авторской (рецензента) точки зрения путём соответствующей оценки факта, явления или события происходило с помощью различных приёмов. Широко использовались метафоры (образы стихии, хищников)⁴⁷, обобщения («революционеры», «контрреволюционеры»)⁴⁸, сравнения и сопоставления

⁴² Брискман. 1976.

⁴³ Рабочий путь. 1924.

⁴⁴ Нурмин. 1921.

⁴⁵ Покровский. 1922.

⁴⁶ Покровский. 1923.

⁴⁷ Вегман. 1922; 1927.

⁴⁸ Неримов. 1925.

(«беспочвенные нытики», «истые революционеры») ⁴⁹. В текстах рецензий и отзывов, названиях работ прослеживается героизация и мифологизация образов большевиков. Используемые с этой целью языковые средства маркированы эмоционально-экспрессивными признаками («сказочно-героический», «изумительная доблесть», «Красная Голгофа») ⁵⁰. В массовое сознание внедрялась идея о неизбежности Октябрьской революции и перерастании её в мировую ⁵¹, насаждалось недоверие к другим политическим силам в изображении событий Октябрьской революции и гражданской войны ⁵². Библиографическая информация оказалась интегрированной в процесс создания образа советской исторической науки, для которой характерны такие черты как классовый подход, принцип партийности, материалистическая основа, прагматизм и утилитаризм.

В сознании читателей, с помощью ценностно-ориентировочной функции библиографии, целенаправленно фиксировались определённые морально-этические нормы. Формировались новые практики исторической библиографии, ориентированной на избирательный подход в отражении литературы. В таком качестве историческая библиография выступала не как институт трансляции исторического знания и сохранения интеллектуального опыта, а как механизм контроля исследовательского поля исторической науки. В данном случае речь идёт о футуристической составляющей образа исторической науки.

«Социально-ориентированное историописание имело целью не просто конструировать национальное прошлое, но выполняло практические задачи удовлетворения потребностей власти и общества в нужном (соответственно ситуации) прошлом, а также контроля над национальной памятью» ⁵³. Библиография использовалась как своеобразный инструмент манипулирования общественным сознанием. В то же время закладывался вспомогательный (с идеологической подкладкой) статус исторической библиографии, что определило её дальнейшее развитие и функциональное предназначение в советской исторической науке и способствовало формированию представления об иерархической подчинённости двух научных сфер – исторической науки и исторической библиографии.

⁴⁹ Вегман. 1923

⁵⁰ Вегман. 1927; 1923.

⁵¹ Вегман. 1923.

⁵² Вегман. 1922. С. 191; 1923. С. 260.

⁵³ Маловичко. 2012. С. 277.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Азадовский М.К. Задачи сибирской библиографии // Сибирские записки. 1919. № 6. С. 97–115
- Азадовский М.К. К методологии марксистской библиографии (По поводу «Библиографии» Н.М. Ченцова) // Каторга и ссылка. 1931. № 5. С. 184–197
- Азадовский М.К. Сибирские темы в изучении русского устного творчества / Кабинет лит. пед. ф-та Гос. Иркут. ун-та. Иркутск, 1925. 23 с.
- Азадовский М., Слободской М. Декабристы в Сибири: Библиогр. материалы // Сибирь и декабристы: статьи, материалы, неизданные письма, библиография / Иркутский Губернский исполнительный комитет; Иркутская комиссия по подготовке юбилея декабристского восстания; под ред. М.К. Азадовского, М.Е. Золотарёва, Б.Г. Кубалова. Иркутск, 1925. С. 166–178; То же. Отд. оттиск. Иркутск, 1925. 19 с.
- Алеерас Н.Н. Отзыв официального оппонента о диссертации Т.В. Бернгардт на соискание учёной степени кандидата исторических наук на тему «Историческая библиография и конструирование нового образа исторической науки. 1920-е годы (на материалах Сибири)». 2010.
- Алаторцева А.И. Историческая периодика и преподавание исторической науки // Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975. С. 232–237.
- Бакай Н.Н. Сибирь и декабрист Батеньков // Труды Томского краеведческого музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 38.
- Брисман М.А. Критическая библиография... Есть ли она? // Библиография на страницах периодических изданий / ЛГИК. Л., 1976. Т. XXX. С. 179–207.
- Вегман В. // Сибирские огни. 1927. № 4. С. 219. Рец. на кн.: Борьба за Урал и Сибирь. М., Л., 1926. 388 с.
- Вегман В. // Сибирские огни. 1922. № 5. С. 189–192. Рец. на кн.: Гинс Г.К. Сибирь. Союзники. Колчак / О-во Возрождения России. Пекин: Типогр. Русской духовной миссии, 1921. Т. 1. 325 с.; Т. 2. 606 с.
- Вегман В. // Сибирские огни. 1923. № 3. С. 216. Рец. на кн.: Исторический очерк 27 стрелковой дивизии РККА. Пгр., 1923. 47 с.
- Вегман В. // Сибирские огни. 1923. № 4. С. 193. Рец. на кн.: Колосов Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания. Материалы. Документы. Пгр., 1923.
- Вегман В. // Сибирские огни. 1923. № 5–6. С. 260–261. Рец. на кн.: Кроль А.А. За три года (воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток, 1922. 212 с.
- Вегман В. // Сибирские огни. 1927. № 4. С. 220. Рец. на кн.: Последние дни Колчаковщины: сб. документов. М., Л., 1926. 231 с.
- Вознесенский С. Библиографические материалы для словаря декабристов. Л., 1926. 152 с.
- Вохрышева М.Г. Библиография в системе культуры. Самара, 1993. 193 с.
- Вохрышева М.Г. Теория библиографии. Самара, 2004. 367 с.
- Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991. М., 2002. 400 с.
- Гришин Е.В. Феномен восприятия и его влияние на электоральное поведение // Вестник Московского государств. областного университета. 2007. № 3. С. 199–210.
- Дович. В. [Вегман В.] // Сибирские огни. 1923. № 5–6. С. 262. Рец. на кн.: Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 г.: сб. док. / Зензинов В. Париж, 1919. 193 с.
- Дополнения... // Лунин М.С. Общественное движение в России. Письма из Сибири / Музей революции СССР; Ред. и примеч. С.Я. Штрайха. М., Л., 1926. С. 62–63.

- Дубовский К.В.* Декабристы в деле изучения Сибири // Северная Азия. 1925. № 5–6. С. 9–18.
- Зиновьева Н.Б.* Основы современной библиографии. М., 2007. 95 с.
- Иванов Д.Д.* Подытоживающая функция отраслевой библиографии // *Иванов Д.Д.* Избранное. М., 1986. С. 217–280.
- Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Т. I. Кн. 1. Киев: Типография Императорского университета св. Владимира, 1891. [1283] с. с разд. паг.
- История книги* / Под ред. А.А. Говорова, Т.Г. Куприянова. М., 2001. 399 с.
- Корзун В.П.* Коммуникативное поле исторической науки: новые ракурсы историографического исследования // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVII–XXI века: сб. ст. / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск, 2011. С. 290–302.
- Корзун В.П., Денисов Ю.* Концепт «образ исторической науки»: интеллектуальная традиция и современная когнитивная ситуация // Ейдос: альманах теории и истории исторической науки. Киев, 2010/2011. Вып. 5. С. 306–319.
- Корзун В.П.* Образы исторической науки на рубеже XIX–XX веков (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург, 2000. 226 с.
- Кузнецов Б.С.* Образ науки и эвристическая функция философии // Методология науки. Новосибирск, 1985.
- Культура и цензура: мифы и реальность или история борьбы против правды: (От составителей)* // История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С. 5–24.
- Леликова Н.К.* Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России XIX – первой трети XX в. СПб., 2004. 415 с.
- Литература о [М.С.]Луние // Лунин М.С. Сочинения и письма / Ред. С.Я. Штрайх. СПб., 1923. С. 116–121.
- Маловичко С.И., Румянцева Н.Ф.* Социально ориентированная история в актуальном интеллектуальном пространстве. Приглашение к дискуссии // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / Отв. ред. О.В. Воробьева, В.А. Чеканцева. М.: ИРИ РАН, 2012. С. 274–290.
- Михайлова Г.М.* Потребности науки и библиографическое моделирование (На примере советской исторической библиографии) // Библиография в помощь науке. Л., 1975. С. 45–54 (Труды. Т. XVII. Вып. 1).
- Мохначёва М.П.* Журналистика и историческая наука. Кн. I. Журналистика в контексте науковорчества в России XVII–XIX в. М., 1998. 383 с.
- Неримов А.* // Сибирские огни. 1925. № 4–5. С. 220. Рец. на кн.: Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты / Ред. и предисл. В. Вегман. Новосибирск, 1925. 562 с.
- Нурмин.* К эволюции русского либерализма // Красная новь. 1921. № 2. С. 347–349. Рец. на кн.: Архив русской революции / Гессен И.В. Берлин, 1921. 321 с.
- Огородников В.* // Сибирские огни. 1925. № 6. С. 198. Рец. на кн.: Азадовский М.К., Слободской М. Декабристы в Сибири: Библиогр. материалы // Сибирь и декабристы: статьи, материалы, неизданные письма, библиография. Иркутск, 1925. С. 166–178.
- Переселенков С.А.* Дневники и мемуары декабристов // Былое. 1925. № 5 (33). С. 240–262.
- Покровский М.* Красная новь. 1922. № 3. С. 275–276. Рец. на кн.: Виппер Р. Иван Грозный. М., 1922.

- Покровский М. О* V т. «Истории...» Ключевского. Заметка // Печать и революция. 1923. № 3. С. 104. Рец. на кн.: Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. V. Пгр., 1922.
- Рабочий путь*. 1924. № 251 (2.11). С. 6.
- Ретина Л.П.* «Второе рождение» и новый образ интеллектуальной истории // Историческая наука на рубеже веков. Сб. статей. М.: Наука, 2001. С. 175–192.
- Ретина Л.П.* Интеллектуальная культура как предмет исследования // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 5–8.
- Руководящий каталог по изъятию всех видов литературы из библиотек, читален и книжного рынка КСССР. Оренбург: Кирглавополитпросвет, 1924. С. 6-96.
- Сляднева Н.А.* Библиографическая эвристика художественной литературы и литературоведения. М., 1987. 150 с.
- Сляднева Н.А.* Библиография в системе Универсума человеческой деятельности: Опыт системно-деятельностного анализа. М., 1993. 226 с.
- Список книг, рекомендованных, допущенных и отклонённых научно-педагогической секцией ГУС. М.: Изд-во ВЦСПС, 1924. 8 с.
- Турунов А.Н., Вегман В.Д.* Революция и гражданская война в Сибири. Указатель книг и журнальных статей. Новосибирск, 1928. 140 [X] с.
- Турунов А.Н., Попова Т.Н.* 1905 год в Сибири: Материалы к библиогр. обзору книг и журнальных статей / Предисл. Б. Шумяцкий. М., 1930. 24 с.
- Ченцов Н.М.* Восстание декабристов: Библиогр. / Центархив; Ред. Н.К. Пиксанов. М., Л., 1929. 794 [XIX] с.
- Ченцов Н.М.* Юбилейная литература о декабристах. 1924–1926: Библиогр. указ. / Ред. Н.К. Пиксанов. М.: Изд-во Ком. Акад., 1927. 109 с.
- Эймонтова Р.Г.* Историческая библиография и преподавание истории исторической науки // Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975. С. 141–151.
- Ямин В.Н.* [Вегман В.Д.] // Сибирские огни. 1927. № 4. С. 222–223. Рец. на кн.: Гайда Р. Мои воспоминания. Карлин: Изд-во «Весь мир», 1921. 179 с.
- Бернгард Тамара Викторовна*** – к.и.н., ст. преподаватель, зав. кафедрой библиотечно-информационной деятельности Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, *kafedra-omsk@yandex.ru*
- Корзун Валентина Павловна*** – д.и.н., проф., зав. кафедрой современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, *korzunv@mail.ru*